

УЧЕНИЕ О ЦЕЛОСТНОСТИ В ПЕРСПЕКТИВЕ НОВОЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ*

Ю.Н. СОЛОНИН

Предметом настоящей статьи является проблема целостности и восстановления значения целостности в качестве базовой категории при формировании новой картины мира и новой методологической перспективы, которую по аналогии с системным подходом следует обозначить как целостный подход в теории познания.

Необходимость в такой радикальной перестройке всего концептуального базиса современного рационализма кроется, по нашему суждению, в исчерпанности квантитативного научно-философского мышления, утвердившегося около трех с половиной веков назад, благодаря которому создан научно-технический фундамент и возведена современная цивилизация. Неоднократно отмечалось, что сердцевиной этого фундамента является особого рода рационализм, выражающий все характеристики понимания предметов своего интеллектуального освоения в языке количественных, калькуляционно-конструктивных и формальных понятий и отношений. Жесткий формализм последних естественным образом ориентируется на логику инструментальных калькуляционных процедур как внутреннюю структуру научного мышления. Качественная определенность реальности при таком подходе не просто оттеснялась на обочину научного мышления, но в принципе устранялась, если она не поддавалась интерпретации как функция количественных отношений. Не случайно те сферы знания, в которых квантитативности не включались в объяснительно-интерпретационные процедуры и научный язык, принято считать ненаучными или во всяком случае проблематичными в своем притязании быть науками. Ситуацию не меняет и проведенная в свое время (Дильтей, Риккерт и др.) дихотомия, т.е. деление всех наук на два типа по различию способов образования в них понятий и методов познания: науки о природе и науки о духе (культуре). Господствующий научный истеблишмент продолжает воспринимать вторые как медленно продвигающиеся в направлении к точным и строгим наукам.

Квинтэссенцией квантитативного мышления является системный подход, или системная методология. Именно она, как мы полагаем, находится у пределов своих эвристических возможностей. Именно это

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Квалитативизм как онто-методологическая установка новой гносеологической стратегии», грант № 13-03-00386.

обстоятельство лежит в основании того методологического кризиса, который характеризует современную исследовательскую ситуацию в целом¹.

Наш вывод заключается в том, что предстоит восстановить статус качественного понимания реальности, и в первую очередь за счет качественных понятий расширить научный язык и методологию. Должно осознать, что огромный массив знания, в том числе в сфере наук о природе, принципиально не может быть представлен в форме количественных отношений, такова прежде всего наука о живом, но не только. Учет качественности должен повести к переосмыслению таких методологических характеристик, как строгость, точность, конкретность, и в итоге — традиционного рационализма.

Конечно, мы принимаем во внимание факт, что, как следствие маргинализации качественного взгляда на мир и его центральной категории «целостность», его понятийно-терминологическая разработка существенно отстает от языка количественного подхода, логико-математический аппарат которой стал отождествляться с языком науки вообще. Но если обратиться к истории философии и науки и к современному опыту введения в науку целостных представлений, то проблема создания нового языка науки намечает ее путь продуктивного развития. Нижеследующий текст служит подтверждением этого заключения.

Проблема целого (целостности) не является новой ни для философии, ни для науки. Так, авторы статьи, открывающей сборник работ, в которых исследуется состояние проблемы целостности в современной научно-философской мысли (его участники, впрочем, предпочитают пользоваться иным термином — «холизм»), отмечают, что «холистические философии, вероятно, столь же стары как сама философия»². Они находят целостную (холистическую) установку у философов-досократиков (например, у Гераклита), а в классическую эпоху — в философии Платона (диалог «Парменид»). В Новое время она получает дополнительный импульс к развитию у Спинозы и Лейбница. Не чужда эта установка и философии Канта и Гегеля.

Целостный подход и представление о мире как целом имеет первенство в истории познания, но содержательно понятие целостности не оставалось константным. Восприятие мира как живой целостной сущности составило начало первичного, нерелективного отношения к нему человека и отлилось в мифо-религиозном мышлении. И это восприятие перешло в философию. Здесь оно концептуализировалось в самых разных аспектах, но, видимо, главным интеллектуальным лоном, в котором идея целостности вызревала, структурно разворачивая свое содержание, явилась философия Платона, академическая школа, а затем неоплатонизм и стоицизм, хотя ни одна философская школа древности не осталась чуждой рефлек-

сии целостности³. Специальное внимание выяснению этого вопроса уделил русский философ А.Ф. Лосев. Основной корпус его сочинений связан с прояснением платонизма как сердцевины теоретического мышления вообще, и в нем, в платонизме, центральной онтологической константой Лосев признает учение о целостности. Ограничимся несколькими извлечениями из проясненного Лосевым толкования целостности в античной философии. В них устанавливается ряд фундаментальных характеристик целостности⁴. Так, отталкиваясь от Платона, Лосев обращает внимание на свойство целого делиться на части, но при этом само по себе целое не является суммой своих частей. Диалектика этого ценного в теоретическом плане парадокса состоит в том, что, если целое не содержится ни в одной своей части, то его нет и в их сумме («во всех вместе взятых частях»). Этим самым наша мысль подводится к пониманию особого онтологического статуса целого, которому не свойственно ни дробиться, ни передавать свое сущностное качество ни одной из своих частей. Последние имеют особый, им свойственный, онтологический статус. Действительно, как можно представить такое дробление целого, при котором оно распределялось бы по своим частям? Если бы целое делилось, то оно было бы невозможно. Если же оно есть, «тогда оно не делится на свои части»⁵, — заключает Лосев. Но деление на части предполагает, что целое обладает внутренней структурой, т.е. внутренним различием. Целое определяет свои части, часть же вне явного соотношения со своей конкретной целостностью не определяется.

Лосев полагает, что противоречие делимости и неделимости целого снимается в синтезе, которым предстает в реальности *организм*. При этом надо всячески настаивать, что это понятие не должно эксплицироваться на биологическом контексте. Целое как организм означает особый тип связи и соединения его частей, дающий новое качество. Система этого не знает⁶. В организме, по представлению Лосева, невозможно отрицать ни цельности, абсолютно неделимой на какие-либо частные составляющие, ни наличия частей, реально несущих на себе это целое. Весь базовый аппарат платоновской философии тяготеет к идее целого. Таковы понятия эйдоса, типа и др.

Влияние платонизма проявилось на всей философии в ее метафизической и натурфилософской линиях. Мы уже обращали внимание на Лейбница. Но своеобразное отношение к проблеме целого мы встречаем и у Канта. Саму свою философскую систему Кант мыслил как целостное, «органичное» единство⁷. В нем «все есть орган, т.е. целое служит каждой части, и каждая часть — целому». Таким образом, Кант видел в целом совершенство организации материала и стремился к целому, а не к системе: «Мои исследования, ранее порознь направленные на всевозможные предметы философии, приобрели систематический вид и постепенно привели меня к идее целого, которая

одна только и делает возможным суждение о ценности и взаимном влиянии частей»⁸. Конечно, сказанного совсем не достаточно, чтобы понять кантовскую трактовку целостности, тем более, что и принципу системности он уделил много внимания, но ясно, что в немецкой философской традиции категория целого (*Ganzheit*) занимала особое место.

Очевидно, что понятие целого родственно философии Шеллинга и, в частности, непосредственно связано с его учением об Абсолюте. А цельность определяется в своей сущности наличием в ней Абсолюта. Уместно напомнить, что трактовка природности в натурфилософии Шеллинга также связана с наполненной потенциями и одухотворенной целостностью. Оставим сейчас в стороне спиритуалистические и мистико-мифологические аспекты шеллингианства. Нам важно подчеркнуть факт сохранения интереса к этой категории, показать ее центральное место в определенном типе философствования и связь идеи целостности с динамическими потенциями и силами. Именно эти последние стали основанием для построения философии жизни, философии духа, философии смысла и пр., и оказали влияние на идеи органической целостности⁹. Не случайно существует взгляд, что истоки «философии жизни» следует искать в недрах гегелевской философии, которой не только не чуждо понятие органической, одухотворенной целостности, но и само понятие жизни рассматривается как идентичное ему. Более того, выход на конкретность Гегель и его последователи видели в понимании действительности как целостности жизненного процесса. «Первой идеей, которую Гегель выводит как выражение единения противоречий, является идея жизни... Гегель осмыслил жизнь как дух»¹⁰. Но дух — это некая высшая цельность, порождающая жизнедеятельные части.

Тем не менее в классической немецкой философии идея целого не нашла своего развития. Так обстояло дело до конца XIX столетия, когда идея целостности вновь стала проступать в своей первоначальной значимости¹¹. Вероятно, решающую роль в этом возрождении сыграли два независимых фактора. Первый из них — фактор чисто философской природы — был порожден тем концептуально-проблемным сдвигом и самым духом философствования, который в определенном смысле можно было бы назвать «консервативной революцией» в философии¹². Мы связываем его с обретением влияния со стороны философии Шопенгауэра и вызванным ею смещением философствования с объективной онтолого-гносеологической ориентации на определения способов проявления субъективного, в сущности своей неопределенного, темного и непредсказуемого в побуждениях, начала. Принцип рациональности, примат разума, был исключен из философских программ. Именно здесь органичность целого приобретает тот оттенок биологического и непостижимого в своей

вitalности феномена, насыщенного напряжением сил и темных волений, которая так окрасила последующий за Шопенгауэром ряд философов, определяемый как шопенгауэровская линия в философии¹³. Органичность в существенно биологической и виталистской коннотациях стали на определенный период преобладающими в трактовке целостности, свойственной концепциям этих мыслителей. Но, как правило, большинство мыслителей, представлявших линию Шопенгауэра, оказывались не «чистыми» философами, а интеллектуалами, сочетавшими естественнонаучную школу с философской и даже гуманитарной. В философии они естественным образом тяготели к натурфилософии. Заинтересованность категорией целостности среди ученых к середине XIX в. стала вторым фактором, поднявшим ее научную ценность. Здесь образцом и вдохновителем оказался Гёте. Этот мыслитель заслуживает особого внимания, когда мы говорим о философии природы с позиций целостного подхода, именно в силу идущей от него особой установки на понимание природы, ее структуры и свойственных ей форм и типов изменений. Гёте зафиксировал свое понимание природы в ряде понятий, которые в последующем интенсивно осваивались и разрабатывались мыслителями, придерживавшимися указанной тенденции. К таким понятиям относятся: «тип», «метаморфоза», «гештальт», «трансформация» и, разумеется, «целостность». Кроме того, Гёте скептически относился к эволюционистским идеям. Вполне оправдано говорить о гётеанской традиции, или парадигме, в философии XIX столетия. У нее были сторонники среди теоретиков, не имевших прямого отношения к естественности и не определявших его развития, т.е. в некотором смысле, среди ученых-маргиналов, и только в конце XIX в. их влияние значительно возросло¹⁴. Оно было связано в немалой мере с развитием различных областей биологии, например, экологии как учения о среде обитания, с учением о природе живого организма и жизни как таковой. Наиболее известны среди них биологи и философы Г. Дриш и Я. Иксюль. Если философско-научные взгляды Г. Дриша более или менее известны, то о взглядах Якоба фон Иксюля (1864 — 1944) современный читатель не осведомлен, исключая весьма узкий круг специалистов-биологов и, возможно, специалистов в области биологической экологии¹⁵. В истории науки он характеризуется как зоопсихолог и основатель сравнительной физиологии беспозвоночных. Кроме того, его почитают и как одного из творцов современной этиологии — науки о поведении животных. Но в не меньшей мере он воспринимался в научном мире в качестве философа натурфилософского склада. Его общенаучная позиция несколько прояснится, если мы заметим, что он выступил последовательным антиэволюционистом в дарвино-геккелевской трактовке этого учения и, следовательно, тяготел к той линии научного мышления, которую мы обозначили как линию Гёте. Ему

была чужда биология XIX в., строившаяся на использовании для описания феноменов живого мира языка физикалистского типа с интерпретацией биологических процессов по аналогии с механическими. Процессы в мире биологических существ, по его мнению, имеют принципиально иную природу и не могут быть объяснены редукционистскими моделями уже известных и изученных явлений, преимущественно из области физики.

Это своеобразие биологического мира он объяснял, вводя новые понятия и давая особые смысловые характеристики уже имеющимся. В этом отношении он выступал в союзе с Гансом Дришем, хотя и в меньшей степени, чем последний, мистифицировал понятие жизни¹⁶. Их работы, меняющие язык науки, задали поворот исследования задолго до того, как получила всеобщее распространение манера обсуждать целостность и гештальт как фундаментальные научные проблемы. Именно они придали указанным выражениям свойства научных понятий. Кроме того, Иксюль указал на необходимость воспринимать животное любой степени органической сложности не только в качестве объекта живой природы, но и в качестве субъекта, т.е. как обладающее неким активным началом. Каждое из них осуществляет деятельность в частности тем, что оставляет следы (пометы — *Merken*) и совершает действия (*Wirken*). Эти следы — отнюдь не хаотичное нагромождение знаков. Мир следов и действий образует замкнутую целостность как единство окружающего мира, создавшего этот мир следов животного, находящегося в его центре. Следовательно, структура и свойства этого мира отражают или воспроизводят своеобразие гештальта живого организма. Для объяснения этого соотношения животного и мира его существования Иксюль вводит понятия «*Umwelt*» и «*Innenwelt*». Их недостаточно трактовать в смысле простейшего перевода соответственно: среда — внешнее окружение и внутренний мир — (состояние) животного. Иксюль рассматривает эти понятия как соотносительную пару, так как объясняет среду как то, что создается данным живым организмом и обеспечивает его существование, поскольку она строится в согласии с поведенческими особенностями данного животного, которые, в свою очередь, определяются структурой его внутреннего мира. Таким образом, простейшим животным отвечает простейшая среда, более сложным — более сложно сформированный окружающий мир. В единстве организма и его среды жизни, утверждает Иксюль, нет ничего случайного, оно образует целостность. Многообразие пересекающихся и сочетающихся сред отвечает многообразию животных, создавших их своими действиями и отпечатками. Для того чтобы понять законы поведения животных и свойства среды, через создание которой они с совершенством приспосабливаются к окружающей природе, Иксюль заложил основание зоосемантики как части биосемантики.

Несомненно, что работы Дриша и Иксюля, вызывающие и поныне дискуссии, которые побуждаются не столько их научными представлениями, сколько лежащими в их основе философскими принципами, являются, тем не менее, превосходными примерами приложения идей целостности к сложноорганизованным и динамичным структурам реального мира.

В России в этот период среди наиболее чутких к новым веяниям в области философских идей оказался Н. Лосский. Работы его требуют к себе особого внимания, ибо принципы целостности и органичности нашли в них своего оригинального истолкователя¹⁷. Столь же большого внимания заслуживают близкие по пониманию целостности идеи русского биолога Л.С. Берга.

Кроме Гёте на развитие идеи целостности оказали влияние некоторые философы-романтики. Находясь в сфере художественно-эстетического восприятия действительности, они и не могли формировать свой мировоззренческий взгляд иначе как под влиянием качественной установки. Немалое значение здесь имела категория образа как целостной структуры воспринимаемого, а последняя обеспечивалась особой техникой усмотрения, которая предполагала «схватывание» всей полноты воспринимаемого, равно как и особой включенности в его внутренние формы¹⁸. Чаще всего это называется интуицией, хотя в немецкой философской традиции кроме этого понятия имеется еще и ряд иных, основанных на учете особого значения факта «усмотрения», непосредственного видения, при котором осуществляется проникновение в сущность постигаемого во всей ее полноте. Среди романтиков, возможно, главная заслуга здесь принадлежала Адаму Мюллеру. Он явился связующим звеном между линией Гёте в философии и новым движением в австрийской философии. Именно Вена с конца XIX в. стала одним из научных центров культивирования философии целостности и применения ее к широкому кругу социальных и гуманитарных наук. В первую очередь — это философы и социальные мыслители И. Бакса и О. Шпанн. Если первый много сделал по разработке самого понятия целостности, то последний кроме этого стремился построить весь корпус социально-экономических и философских наук на идее целостности¹⁹. Расширение методологии целостного объяснения предметов социально-политической реальности, разумеется, не могло бы иметь шансов на успех, если бы эта методология оставалась в рамках тех представлений и того языка, как это было в работах биологов и близких к ним натурфилософов XIX в. Хотя они внесли существенный вклад в развитие понятийной системы учения о целостности, но ее явно не хватало для описания более сложных целостностей природного типа. Да и те, которые имелись, требовали серьезных смысловых расширений. В частности, стала все явственней ощущаться

потребность в развитии логического аппарата нового направления. К последней работе приступил ряд теоретиков, в том числе и Отмар Шпанн (1878–1950)²⁰. Именно этим, в первую очередь, и отличается развитие теории и философии целостности XX в. от исследований предыдущего столетия. Холизм, в частности, требовал более четкого понятийного описания целостностей, чем витализм и неовитализм. И требования к строгости возрастали, хотя эта строгость и не могла совпадать с аналогичным критерием традиционного рационализма.

О. Шпанн оставил огромное научное наследие. Оно свидетельствует о конструктивности применения идеи целостности (в его терминологии «универсализма») в широком проблемном поле социально-философского знания. Таким образом он и построил общую теорию общества и государства, политическую экономию и философию хозяйства. Не чуждо ему было и развитие методологии целостного подхода, чему примером служат две его работы, посвященные логике целостности и учению о категориях²¹.

Помимо школы А. Мюллера в Австрии сложилась и другая устойчивая традиция разработки общей теории целостности и понятийного аппарата для ее описания. В имманентной форме влияние целостного подхода можно обнаружить в основаниях так называемой «австрийской школы» философии, возникновение которой связано с именем и деятельностью Ф. Brentano. Из этой школы вышла многочисленная плеяда психологов и философов, своими работами и идеями создававших новые условия развития философского знания XX столетия. Наиболее известные среди них – А. Мейнонг, творец «теории предметов», Э. Гуссерль, положивший начало феноменологическому движению, и А. Марти, создавший особую «философию языка», предвосхитившую важные аспекты современных учений о языковой деятельности и когнитивной семантике. В контексте учений этих мыслителей идеи целостности играют существенную роль как в смысловом, так и в структурном отношениях.

Но специально проблемы целостности были представлены в философии австрийского исследователя Леонарда (Лео) Габриэля (1902 – 1987). В Европе он и его труды получили довольно широкую известность. Достаточно сказать, что он был президентом XIV и XV Всемирных философских конгрессов в Вене и Варне соответственно. Однако его идеи в области учения о целостности не обрели надлежащего усвоения и анализа, в частности, в нашей стране. Общая философская позиция Лео Габриэля характеризуется как клерикальный экзистенциализм, но все же главные его мысли сосредоточены на проблемах целостности. В этой области ему принадлежит сочинение «Интегральная логика. Истинность целого» (Вена, 1965), по сути, являющееся его главным трудом²². Заключение в нем идеи получили свое развитие и конкретизацию в работах «Логическая проблематика

теории тотальности» (1967), «Гештальты и структуры интегративного мышления» (1968)²³. Общее представление о состоянии разработки таких идей Габриэля как интегральная логика, интегративное мышление, тотальность и др., а также о широте распространения их влияния дает сборник статей «Истина целого» (Вена, 1976). В своей философии Габриэль попытался достичь синтеза схоластической философии, теологии и современных философских идей, представленных экзистенциализмом и так называемой научной философией в стиле Венского Кружка. Кроме этого материала западного мыслительного комплекса, он пытался освоить и принципы восточного философствования, в первую очередь представленного индийской философией.

Особое внимание Габриэль уделил проработке логического содержания понятия «тип», которое в свое время было представлено в работах Гемпеля и Оппенгейма, прежде всего в их книге «Понятие типа в свете новой логики»²⁴. В ней представлена трактовка типа как промежуточной инстанции на пути к формированию научно более точной процедуры классификации. Но Габриэль примкнул к трактовке этого понятия, представленной в методологии науки о духе (Geisteswissenschaft) В. Дильтея, где тип выступает как основная структурная единица систематики мышления и идей (Denksystematik). Таким образом, Лео Габриэль и созданное им теоретическое направление в области изучения целого ориентировались на синтез логико-методологической разработки этой категории с относящимся к ней теоретическим материалом целостности. Именно недостаточная развитость и затемненность, с точки зрения логических стандартов современного знания, понятийного языка и употребления терминов, относящихся к учению о целостности, являются серьезным препятствием для их распространения и освоения наукой, во всяком случае, за пределами специальных областей биологии и гуманитарного знания²⁵.

Немецкоязычная традиция разработки в методологическом и логическом отношении проблемы целостности вне Австрии представлена одной значительной фигурой, философом и методологом Вильгельмом Буркампом (1877 – 1939), профессором Ростокского университета. В 20-е и 30-е гг. прошлого века он выступил с циклом работ, содержащих результаты его исследований в этой тематике. Его общефилософская позиция находится в согласии с гётеанским натурфилософским духом, которому, как мы говорили, присуще понимание мира как структуры целостностей. Сходные с этим принципом представления он развил в ряде своих статей натурфилософского толка. Но нас интересует главным образом его вклад в развитие научного языка учения о целостности и доказательство возможности соответствующего логического учения. Итоги исследований в этих

областях он представил в таких работах как «Понятие и отношение. Учение об основаниях логики» (1927), «Структура целостности» (1929), «Логика» (1932).

Исходной мыслью его учения является положение, что «синописис и синергетика целого в усмотрении (in Schauen), в мысли, в биологической деятельности» являются истинным ключом к решению всех вопросов познания. Целостное мышление и мышление о целостностях, понимание мира в этом смысле является «лучшим способом мышления», которому открываются даже математика и физика²⁶.

Новый тип мышления захватил, прежде всего, учение о «живых сущностях» (Lebenswesen), где оно адекватно природе предмета мышления: здесь части возможны в своем существовании и в своей форме лишь благодаря отношению к целому — «идея существования и формы целого определены как основание познания существования и формы всех частей». Образцом применения этого мышления является, по Буркампу, то, что предпринимает Г. Дриш в своей теории «целостной причинности», т.е. в учении о соотношении «частей и целого», взамен отвергаемого традиционного «Kausalprinzip» («принцип причинности»). Следующей областью применения «целостного мышления» служит психология, и он видит это в развитии гештальт-психологии в трудах Кёлера, Коффки и Вертхаймера.

Буркамп выступил против методологической партикуляризации наук, когда каждая из них разрабатывает свой особый метод и свою познавательную стратегию. Методологическая раздробленность наук объясняется гипертрофией свойственных каждой из них методов познания, переоценкой собственного предмета, когда полагают, что только в нем содержатся основные ответы на важнейшие вопросы. Таким образом, Буркамп выступил с программой, по его словам, единства «науки и культуры». Культура образует единый организм, а наука в нем представляет особый орган с особыми задачами, но не разрушающими единство культурного организма, поскольку в основном наука и ее проблемы детерминированы высшей целостностью. Единство культуры и науки, таким образом, не означает равенства их.

Буркамп предлагает серию новых терминов для обозначения различных типов целостностей и их частей по способу существования, функциональности и взаимоотношениям. Так, целостность, отмеченную высоким уровнем изменчивости своей структуры и способностью в «нормальной среде закономерно определять собой ряд своих изменений», он называет «автотаксической целостностью» (Autotaxis). Менотаксические целостности (Menotaxis) являются такими изменяющимися целостностями, которые при стандартных условиях «обеспечивают будущее существование (Existenz) такому же или весьма схожему целому». Понятия, вводимые Буркампом, не нашли своего развития в учении о целостности, возможно, как в силу

недостаточного внимания философов и методологов к общей теории целого, так и ввиду их зависимости прежде всего от биологического контекста.

Немецкая мысль в области философии и науки о целостностях представлена весьма значительным кругом философов, отмеченных работами в области философии культуры, культурологии, философской антропологии. Среди них Лео Фробениус, Герман Кайзерлинг, Освальд Шпенглер, Людвиг Клагес, Рудольф Касснер, Хьюстон С. Чемберлен, Теодор Лессинг, Эрнст Юнгер, Карл Йозль, Фердинанд Теннис, Георг Зиммель, Макс Вебер²⁷. Но, даже тогда, когда они получили признание в науке, их идеи восприняты скорее традиционным образом, в то время как концептуальные и методологические основания их работы, т.е. вся лаборатория мысли, остались невосребованными и лишенными внимания.

Ценный опыт разработки логического аппарата теории целостности принадлежит знаменитому польскому логик и философу мировой известности Станиславу Лесневскому (1885 – 1939). В 20 – 30-е гг. прошлого века он создал логико-математическую систему, частью которой является *мереология* (теория о частях и их отношении к целому). Мереологию он строил как философско-логический аналог оснований математики, своеобразную теорию множеств²⁸. «Целым» он считал все предметы вещного материального мира, не только биологические.

В философском отношении логика Лесневского предполагает номиналистическую онтологию, которую можно назвать философией предмета. Ее базовым положением является утверждение, что существуют только реальные конкретные предметы или вещи. Лесневский решительно отвергал наличие абстрактных сущностей в какой бы то ни было философской редакции, в том числе того, что называют свойствами и отношениями. Возможно, это самая радикальная версия номинализма, которая когда-либо была развита. Нас она может интересовать по меньшей мере в двух отношениях. Лесневский предпринял, возможно впервые, попытку прояснить важнейшую категорию целостной философии – категорию части – и логическими средствами выразить ее отношение к различным иным составляющим учения о целом.

Ученики и последователи С. Лесневского, как при его жизни так и после, продолжали изучать теоретический состав его концепций и идей, расширять и применять к различным областям науки и знания. Так, в конце 30-х гг. А. Тарский применил мереологию для построения геометрии, истолковывая ее объекты не как абстракции, а как реальные телесно-конкретные предметности²⁹. Если в системном подходе представление об элементах вырабатывается в процессе абстракции отождествления, то в данном случае, т.е. в понимании

части и целого, руководствуются абстракцией различения: части, составляющие целое, к которому они относятся, не равны между собой. Попытку расширить мереологию так, чтобы она могла быть положена в основание математики в той же мере, что и уже известные теории множеств, предпринял в свое время польский логик Ежи Слупецкий, тоже ученик Лесневского³⁰. Подобные попытки были предприняты и другими логиками и математиками.

Любопытны также попытки применить близкий к мереологической теории Лесневского подход к построению биологической теории. Он был предпринят английским биологом и философом Дж. Вуджером³¹. К сожалению, в данной статье мы только ограничиваемся указанием на данный факт и лишены возможности прояснить его эвристическую перспективность. Тем не менее наличие даже указанных попыток и исследований позволяет нам сделать второй вывод: хотя трактовка целостности не может сводиться к ее номиналистической предметности, тем не менее мы имеем все основания оптимистически оценивать возможность создания логического и понятийного аппарата теории целостности, отвечающего надлежащим требованиям научности и обеспечивающего обслуживание всего содержания имеющегося знания, а также и его развитие³².

Русская линия в развитии идей целостности является темой особого исследования и обсуждения. А.Ф. Лосев, о котором мы говорили в начале обзора, и упомянутый Н.О. Лосский — одни из многих мыслителей конца XIX и первой половины XX столетий, проявивших внимание к целостному мировоззрению и его логическим основаниям. Оно особенно ярко выражено в философии, например, П. Флоренского. Возможно, категория целого является своеобразным символом особого направления «органической философии» в русской культуре. Мы лишены сейчас возможности дать апробированные на материале строгой науки заключения о продуктивности идей этих мыслителей. Но несомненная типологическая общность их учений с такими же теориями их европейских коллег говорит в пользу теоретической значимости русского вклада в проблему целостности. А в ряде случаев мы вправе говорить и о не подлежащей сомнению оригинальности их идей. Примером мы считаем учение С. Франка о «цельном», или «целостном знании», оказавшее влияние на гуманитарные науки в целом. Определенным подтверждением сказанного служит эпизод из научной биографии выдающегося филолога и литературоведа Б.М. Эйхенбаума. В начальный период своего научного становления он испытал серьезное влияние указанной концепции С. Франка. Оно сказалось на первых работах Эйхенбаума (1915 — 1916). Начиная научную карьеру, Эйхенбаум провозгласил задачу выхода на «органичную целостность стиля», осваивая для этого, кроме С. Франка, и работы Н. Лосского. Под воздействием конструктивистского рационализма

формальной школы, к которой он примкнул, Эйхенбаум постепенно отошел от своей программы и ее философских оснований. Впоследствии этот отход он ощутил как идейный и научный кризис, обозначенный им как «потеря языка». «Писать “терминами” не могу, а языка теперь нет» – констатировал много позже ученый³³. «Прорыв к чистой филологии», ставшей знаменем кружка ученых, к которому принадлежал Б. Эйхенбаум, закончился малопродуктивной деятельностью человека, стремившегося к крупным обобщениям и серьезной лингвистической теории.

Как бы то ни было, философия целостности постепенно прорастает в современной методологической культуре как направление, с которым связаны ожидания выхода из кризиса, переживаемого современной наукой во всем ее масштабе. Кризис этот не может быть преодолен ухищрениями в разработках существующих методов: достигаемые результаты оказываются в своем положительном эффекте кратковременными, если и вовсе не иллюзорными.

Решение проблемы состоит в достижении сдвига в самом фундаменте нашего знания, т.е. в изменении взгляда на его предметные основания. Системная трактовка предметности должна уступить ее целостному пониманию. Следовательно должны измениться метафизические основания знания и наук, открыв дорогу онтологии целостности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Детальное изложение природы современного кризиса и разнообразных форм его проявления мы изложили в ряде своих статей (см., например: Солонин Ю.Н. Концепты и логические модели теорий личности. Аналитический обзор // Ценности и смыслы. 2013. № 1 (23). С. 20 – 46; Солонин Ю.Н. Артамошкина Л.Е. Методологические проблемы изучения культуры (От системного подхода к целостному): учеб.-метод. пособие. – СПб., 2010).

² *Bertram G.-W. und Liptow J. Holismus in der Philosophie // Holismus in der Philosophie. Ein zentrales Motiv der Gegenwartsphilosophie / G.W. Bertram und Liptow J. (Hrsg.). – Weilerswist, 2002. S. 10.* Термин «Холизм» был введен в 1926 г. голландским биологом и философом Яном Смэтсом (1870 – 1950). Он характеризовал биологические объекты как холистические, т.е. целостные, имея в виду, что их отдельные части в функциональном и ином отношении определяются в рамках всего организма как целого (см.: *Smuts J. Holism and Evolution. – L., 1926*). Особенно это понятие укрепилось после работ биолога и эколога Клауса Мейер-Абиха (*Meyer-Abich K. Wissenschaft für die Zukunft. Holistisches Denken in ökologischer und gesellschaftlicher Verantwortung. – München, 1988*). Вскоре термин «холизм» наполнился онтологическими коннотациями, что привело к развитию особой холистической философии. В нашем представлении она не охватывает всей проблематики целостного подхода в философии и науке.

³ Мы оставляем в стороне философию Востока, где идея мира как животворящего целого никогда не подвергалась сомнению.

⁴ См., например: *Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М., 1990; Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М., 1991.*

⁵ Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. С. 128.

⁶ Мы выделили этот фрагмент трактовки соотношения части и целого с тем, чтобы стало ясно, почему к пониманию целого не применима редукция. В системном подходе она естественна.

⁷ См.: Жучков В.А. Система кантовской философии и ее трансформация в неокантианстве // Кант и кантианцы. – М., 1978. С. 16 и далее. Жучков употребляет выражение «целостная система», что едва ли корректно.

⁸ Там же.

⁹ Отдельные замечания на тему целостности в философии Шеллинга см.: Самосознание европейской культуры XX века. – М., 1991. С. 366 и др.

¹⁰ См.: Маркузе Г. Разум и революция. Гегель и становление социальной теории. – СПб., 2000. С. 68.

¹¹ Это время достойно того, чтобы назвать его «методологической революцией», если иметь в виду обоснование разделения мира знания и наук на две сферы: науки о природе и науки о духе, или о культуре. Работами В. Дильтея и Г. Риккерта были прояснены принципы автономии «наук о культуре», что дало их теоретикам право полностью игнорировать методологическую культуру, развитую в сфере естествознания и точных наук. Возможно, это самая главная причина развившегося позже «методологического нигилизма». Ученые приспособливали методы строгих наук к сфере культуроведения и постоянно рисковали прослыть «механицистами» и «редукционистами».

¹² Это словоупотребление ни в каком смысле не следует связывать с таковым же в сфере развития социально-политических идей начала XX столетия.

¹³ См.: Hübscher A. Philosophen der Gegenwart. – Wien, 1947. S. 28. Именно эта тенденция вела к научной дискредитации понятия целого.

¹⁴ Значение Гёте в культурной и научной традиции Европы рассмотрено нами в работе «Х.С. Чемберлен – предтеча трагических мифов XX века» (см.: *Чемберлен Х.С. Основания XIX столетия.* – СПб., 2012). Важные сведения по этой же проблеме читатель найдет в издании: *Biologie der Goethezeit. Klassische Abhandlungen über die Grundlagen und Hauptprobleme der Biologie von Goethe und den großen Naturforschern seiner Zeit: Georg Forster, Alexander v. Humboldt, Lorenz Oken, Carl Gustav Carus, Karl Ernst v. Baer und Johannes Müller / Hrsg. v. A. Meyer-Abich.* – Stuttgart, 1949.

¹⁵ Свои основные идеи Икскуль изложил в сочинении «Окружающая среда и внутренний мир животных» (*Uexkul J. Die Umwelt und Innenwelt der Tiere.* – Berlin, 1909; Blem: *Biologische Weltanschauung.* – München, 1913).

¹⁶ Витализм в биологии, не говоря уже о философии, вызвал критику и среди ученых-органицистов ввиду содержащихся в нем элементов мистицизма и иррационализма в интерпретации центрального понятия «жизнь». Кроме того, витализму приписывались односторонность и чрезмерная жесткость в отрицании принципа причинности и разграничений между миром физическим и миром биологическим (см.: *Gloy K. Das Verständnis der Natur.* Bd. 1 – 2. – München, 1996. S. 166).

¹⁷ См., например: Лосский Н. Современный витализм. – Пг., 1922.

¹⁸ Но целостные организмы, например, государство, которое стало предметом особого рассмотрения А. Мюллера, обладают тем, что называется «развитием во времени». Каким образом отвлечься от временного измерения, или историзма, при сохранении всей целостности восприятия, куда включается и то, что «происходит во времени» с объектом, – все это составило предмет особых размышлений

представителей органицизма интуитивистской школы. О своем способе решения этой проблемы сообщил Х.С. Чемберлен, исходя из идей того же Я. Иксюля (см.: *Chamberlain H.S. Lebenswege meines Denkens.* – München, 1919. S. 117 – 140).

¹⁹ О. Шпанн нередко вместо понятия целостности употребляет термин «универсализм» (см.: *Spann O. Die Haupttheorien der Volkswirtschaftslehre.* 11. Auflage. – Leipzig, 1931).

²⁰ См.: *Spann O. Ganzheitliche Logik. Eine Grundlegung.* – Leipzig, 1928.

²¹ См.: *Spann O. Kategorienlehre.* – Jena, 1924. Особое место в творчестве Шпанна заняло построение политэкономической теории, продолжающей воззрения Ф. Листа, известного создателя «национальной системы политической экономии», предполагающей понимание экономической сферы государства как целостности.

²² См.: *Gabriel L. Integrale Logik. Die Wahrheit des Ganzen.* – Wien, 1965.

²³ Мы не считаем возможным заменять термин «гештальт» каким-либо русскоязычным аналогом как по соображениям его уже широкого употребления в такой форме в нашей философско-научной литературе, так и по причине невозможности найти ему адекватный по своей многозначности и семантической широте русский понятийный эквивалент.

²⁴ Сущность их учения профессионально изложена К.И. Забулионите в книге «Типологический таксон культуры» (СПб., 2009).

²⁵ Кроме указанной работы К. Забулионите, содержащей и библиографию проблемы, см.: *Kokert J. Der Begriff des Typus bei Karl Larenz.* – Berlin, 1995. Еще раньше вышли обобщающие работы: *Koort A. Beiträge zur Logik des Typusbegriffs.* Т. 1, 2. – Tartu, 1936 – 1938; *Seifert A. Die kategoriale Stellung des Typus.* – Meisenheim, 1953.

²⁶ См.: *Burkamp W. Die Struktur der Ganzheit.* – Berlin, 1929. Vorwort. S. 7. Буркамп постоянно говорит о «мышлении о целостности», равно как и о «целостном мышлении» (*ganzheitlichen Denken*) как особом, новом способе мыслить.

²⁷ Мы не приводим ссылок на их труды и идеи, преследуя пока только цель – дать панораму разработки проблемы целостности видными представителями немецкой мысли.

²⁸ См.: *Leśniewski St. O podstawach matematyki // Przegląd Filozoficzny.* 1927. Roczn. 30. Z. 2 – 3; 1928. Roczn. 31. Z. 3; 1929. Roczn. 32. Z. 1 – 2; 1930. Roczn. 33. Z. 1 – 2. Более ранний труд Лесневского «Основания общей теории множеств» был издан в 1916 г. Он интересен формулировкой (во введении) понимания «естественной интуиции», дающей представление о предметности мира, где все соотносится как часть и целое. Термин «система» им, кажется, вообще не используется (см.: *Leśniewski St. Podstawy ogólnej teorii mnogości. I. : (Część. Ingredyens. Mnogość. Klasa. Element. Podmnożenie. Niektóre ciekawe rodzaje klas.)* – М., 1916).

²⁹ Именно такой взгляд на множество, или класс, как на предмет, делящийся на куски, или части, подобно плитке шоколада, неравные между собой, и навел Лесневского на его «мереологическую» идею (по воспоминаниям философа Т. Котарбиньского).

³⁰ См.: *Slupecki J. Towards a generalization mereology of Lesniewski // Studia Logica.* 1958. Т. 8.

³¹ См.: *Woodger J. The Axiomatic method in biology.* – Oxford, 1939.

³² Лесневский не пользовался выражениями «целое», «целостность» и их производными. Для польского логика эти выражения были излишни, поскольку их значения покрывались тем значением, какое придавалось понятию «предмет».

³³ *Эйхенбаум Б.М.* О литературе: сб. статей. – М., 1987. С. 328.

Аннотация

В статье анализируется кризисное состояние в методологии науки как логическое следствие эволюции познания от философии досократиков к современности. В результате исследования доминантных тенденций в истории европейской философии показано, что этот процесс связан с вытеснением «квалитативного» миропонимания древности «квантитативной» научной картиной мира в Новое время. Разрешение современного методологического кризиса в науке рассматривается в перспективе формирования новой философской парадигмы – на основе онтологии целостности.

Ключевые слова: целостность, системный анализ, мерология, холизм, методологическая парадигма.

Summary

The article interprets crisis in science methodology as inevitable consequence of cognition's evolution from Presocratic philosophy to nowadays. The author shows that it concerned with a replacing the qualitative ancient world-view by the quantitative new-aged world-picture. The solution for the crisis in science methodology is supposed to be a formation of new paradigm in philosophy – ontology of wholeness.

Keywords: integrity, systems analysis, metrology, holism, methodological paradigm.